

УДК 82

**ПУШКИН О РУССКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ И О СЕБЕ САМОМ:
ОТ НЕВСКОЙ БИТВЫ ДО 1812 года**

© 2013 г.

Н.М. Фортунатов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fortunatova2@mail.ru

Поступила в редакцию 10.12.2012

Рассматривается отношение А.С. Пушкина к некоторым фактам русской военной истории, связанным с его генеалогией, и их художественное воплощение в его поэзии и прозе.

Ключевые слова: генеалогия, комментирование, «Евгений Онегин», «Метель», «Воспоминания в Царском Селе».

История пушкинского рода в какой-то мере – история России, настолько значительна в далекие времена была роль его предков. Но при всем своем интересе к родовым корням поэт ошибся на целое столетие, говоря о своей генеалогии! Он совершенно прав, когда пишет в Болдине в стихотворении «Моя родословная»: «*Водились Пушкины с царями, // Из них был славен не один...*» – здесь нет ни малейшего преувеличения. Все так и было. Не случайно Пушкиных не раз вспоминал Карамзин в «Истории государства Российского». Но когда в той же строфе он с гордостью говорит о родоначальнике генеалогического древа Пушкиных: «*Мой предок Рача мышцей бранной // Святому Невскому служил...*» – то это историческая, притом очень грубая ошибка. Рача (или Ратша) не мог служить Александру Невскому по той простой причине, что князя еще не было и в колыбели. Рача – это XII век, а князь Александр Невский – XIII. Поэт пользовался семейными преданиями, в которых его далекий предок значился дружинником князя. Но Пушкин обладал замечательной способностью ошибаться, не ошибаясь. Дружинником Александра Ярославича был все-таки человек из рода Рачи – Гаврила Олексич, прославивший себя в Невской битве со шведами в 1240 году.

Сражение произошло 15 июля в месте впадения реки Ижоры в Неву. Тогда-то князь и произнес свои слова: «Не в силах Бог, но в правде!». Сам бился в рядах своих бойцов как простой воин и на лице предводителя шведов «оставил след острого копья своего» (т.е. в поединке ранил его), как свидетельствовал хроникер событий. Дружинники же были под стать своему князю. В «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя

Александра», объединившей в себе черты двух древних жанров: житийного канона, с незыблемыми, строгими правилами в изложении жизни святого, и жанра воинской повести, динамичного рассказа о сражениях и о подвигах их участников, – сохранились яркие портреты шестерых из них, нарисованные непосредственным свидетелем знаменитой Невской битвы. Он называет каждого по имени и прекрасно знает, кто они, и в чем состоит их подвиг. «Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве», – говорит автор жития [1, с. 67].

Первым, на кого указал сам князь, был Гаврила Олексич, предок Пушкина! Это и в самом деле был удалец из удалцов. Он, увидев раненого королевича, которого под руки вводили на палубу шнека (парусно-гребное судно), бросился за ним и, отчаянно рубясь с охраной, въехал до самого корабля по сходням, был сброшен в воду вместе с конем, но Божиим промыслом выплыл из воды невредим и снова ринулся в сечу и бился с самим воеводой среди вражеского войска.

Ратша приходился ему прапрадедом, т.е. прошло 100 лет. Ошибка во времени значительная. За плечами Пушкина было не 600-летнее дворянство, о чем он говорил с великой гордостью, а 700-летнее! А по генеалогии, прослеживающей славянские корни его рода, они уходят еще более глубоко, в VII век.

Бесспорно, кульминацией истории России стал 1612 год. С ним связана колоритнейшая фигура предка поэта – Гаврилы Пушкина. Чего только не случилось в это смутное время. Один и тот же человек мог стать двойником самого себя: помочь взгромоздиться на престол неда-

лекому и ловкому проходимцу и стать его злейшим врагом; быть дипломатом и поджигателем; воеводой в Нижнем Новгороде и думным дворянином вместе с Мининым в московской Думе – и все это был один человек, Гавриил Григорьевич Пушкин. Поэт всегда выделял его среди своих предков. Начав со стрелецкого сотника, он был пожалован сокольничим и думным дворянином. Это были высокие звания, заметные в царском окружении. Но он был еще и смелым воином. По данным С.Б. Веселовского, в 1608 году Гавриил Григорьевич Пушкин был послан царем Василием Шуйским к Мурому против восставших в Мещере и в Муромском уезде местных татар и мордвы. А это было по пути к Нижнему Новгороду; Пушкин всегда проезжал Муром, направляясь в Большое Болдино.

Внимательно изучавший свои генеалогические корни, он остроумно поставил ему «памятник нерукотворный» – ввел Гаврилу Пушкина в сюжет «Бориса Годунова» в качестве действующего лица.

То, что поэт, восстанавливая образ своего предка, Гаврилы Пушкина, представителя бурного и трагического для России XVII века, пользовался семейными преданиями, совершенно бесспорно. Об этом он писал 30 января (или 30 июня) 1829 года Н.Н. Раевскому: «Гаврила Пушкин – один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах». Для Пушкина особенно важно то, что его предок действовал рука об руку с великим нижегородцем Козьмой Мининым. Вот что писал Пушкин о своем предке в наброске, который М.П. Погодин собирался включить в статью «Прогулки по Москве» (речь шла о памятнике Минину и Пожарскому скульптора И.П. Мартоса, готовившемся для Нижнего, но по распоряжению властей поставленном на Красной площади в Москве): «Надпись *Гражданину Минину*, конечно же, не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукий, или думный дворянин Косма Минич Сухорукий, или, наконец, *Кузьма Минин, выбранный человек от всего Московского государства*, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова. Все это не худо было бы знать, так же как имя и отчество князя Пожарского. Кстати: недавно в одной исторической статье сказано было, что Минину дали дворянство и боярство, но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 году удалиться в Нижний Новгород – сколько несообразностей! Минин ни-

когда не бывал боярином; он в думе заседал, как думный дворянин; в 1616 их было всего два: он и Гаврило Пушкин» [2, т. 6, с. 100]. Набросок был назван так: «Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину». Он, однако, был исключен цензором из статьи М.Н. Погодина.

В 1815 году Пушкин прочел на экзамене в Лицее стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», и, вспомнив о победах Петра Великого, об эпохе русской славы времени Екатерины Второй, сразу же в торжественно-возвышенном тоне заговорил о своем роде – о деде по материнской линии Иване Абрамовиче Ганнибале.

*Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мишистою скалой
Вознесся памятник. Ширяся крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвилась;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.*

Это памятник, посвященный 1770 году и знаменитому Чесменскому морскому сражению во время войны с Турцией. «Окружен волнами», «валы седые в блестящей пене улеглись» – всего лишь поэтические метафоры, потому что памятник воздвигнут в центре тихого пруда в Царском Селе, но как символ побед и могущества России на море. Картина предельно отчетлива, как бы видима читателем в каждой подробности, словно нарисована живописцем, только здесь это сделано словами. Пушкин-подросток, потом юноша часто видел этот памятник (лицей был в Царском Селе). Он, возможно, не знал тогда, что граф Орлов-Чесменский, один из фаворитов Екатерины, не имел никакого отношения к славной победе, но что его дед Ганнибал – самое прямое, это он представлял себе. Ему было чем гордиться. Прадед его был личным секретарем Петра Великого и сопровождал его в походах, а дед – выдающимся боевым морским офицером уже екатерининского времени, одним из героев этого славного боя.

Спустя долгие годы, уже в Болдинскую осень (прошло 15 лет), он вспомнит об этом в рукописных набросках – и вновь сделает невольную ошибку! Он отнес здесь памятник к другому событию, героем которого был тоже его дед, к взятию Наварина, а между тем речь шла у него, конечно же, о Чесменском сражении (памятник так и называли – «Чесменская колонна»).

Вот эта болдинская рукопись («Опровержение на критики»): «Абрам Петрович Ганни-

бал... отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Ф.Г. Орлову)» [2, т. 5, с. 100]. В примечаниях это недоразумение до сих пор нигде не отмечено. Читатели вводятся в заблуждение, не соотнося беглый рукописный фрагмент с ранним стихотворением, где подобной ошибки, вызванной скорее всего скорописью стремительной авторской импровизации в черновом наброске Болдинской осени 1830 года, нет и не могло быть.

Здесь же, в Болдине, в другом прозаическом отрывке, посвященном роду Пушкиных и Ганнибалов (он создан не в 1833 году, как иногда говорят, а во время все той же знаменитой Болдинской осени 1830 года) [3, с. 69–77], содержится еще одна легенда, которая, конечно же, тоже требует уточнения. Пушкин дает в рукописи развернутый драматической эпизод истории выбора дедом своей деятельности. И.А. Ганнибал, пишет поэт, отправился на военную службу, не посчитавшись с требованием отца: «Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение» [2, т. 6, с. 52]. Но ведь в той же рукописи, говоря о своем прадеде, Пушкин отметил, что тот, посланный Петром Великим в Париж, «несколько времени обучался в военном училище», по другим же данным, «учился в артиллерийской (!) школе». Иными словами, И.А. Ганнибал (вопреки семейному преданию) пошел по стопам отца, едва ли не в точности повторив его путь артиллерийского, но только морского артиллерийского офицера. К тому же известно, что И.А. Ганнибал окончил кадетский корпус, т.е. заранее готовился к военной карьере. Пушкинская легенда, хотя и яркая, эмоциональная, драматическая, остается не более чем легендой, свойственной скорее работе художественного воображения, чем следованию реальным фактам.

Морским офицером не случайно был и брат И.А. Ганнибала Осип Ганнибал. Ясно, что прадед Пушкина, хоть и был человеком крутого нрава, не мешал сыновьям в выборе собственной карьеры и даже определял этот выбор. У него была еще одна заслуга перед Россией, о которой тоже не стоит забывать: он открыл путь к славе не только сыну, но и русскому военному гению – Александру Суворову. Дело в том, что Ганнибал был дружен с его отцом, а тот настаивал, чтобы сын шел служить непременно по штатской части. Познакомившись с незаурядным юношей-подростком, Ганнибал убедил отца не мешать его склонностям:

страстному увлечению воинским делом – и оказался прав.

В стихотворении «Моя родословная» автор, упомянув о прадеде-арапе, с гордостью говорит о своем деде, сжав жизнь Ивана Ганнибала в строки краткого, но выразительного четверостишия:

*И был отцом он Ганнибала,
Пред кем средь Chesменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.*

Но что такое Наварин, о чем поэт пишет с не меньшей гордостью, чем о Чесме? Парадоксальность строфы заключается в том, что последовательность событий в ней нарушена. Комментариев и здесь нет. Хотя умолчание в таких случаях – подтверждение или, лучше сказать, утверждение ошибки в качестве истины.

Первым подвигом деда Пушкина было не Чесменское сражение, а взятие турецкой крепости Наварин. Ее невозможно было захватить с моря. Он взял ее с суши! Приказал снять пушки с кораблей, превратив их в осадные орудия, и после обстрела матросы, бросившись на приступ, ворвались в крепость 10 апреля 1770 года. Это был прообраз будущей морской пехоты, прославившей себя в годы Великой Отечественной войны.

Чесменское же сражение произошло позднее, два месяца спустя, 25–26 июня 1770 года. Это была кульминация русско-турецкой войны. Руководил тогда палубной артиллерией молодой генерал Иван Абрамович Ганнибал. В этом сражении турки потеряли весь свой флот и 10 тысяч человек. Русские – 11 матросов. (Выразительное, масштабное и красочное представление об этом историческом событии дал великий русский маринист И.К. Айвазовский в картине 1886 года, которая так и названа им – «Чесменский бой»).

И.А. Ганнибал, которого вспоминал еще юношей-подростком в Царскосельском лицее Пушкин, внес свой вклад в эту победу. Довершила разгром атака брандеров (брандер – от немецкого слова – «пожар»). Это были небольшие, юркие суда-поджигатели, напичканные горючими и взрывчатыми материалами. Они требовали большого мастерства в управлении и еще большей отваги. Нужно было вплотную подойти под жестоким обстрелом к вражескому кораблю, поджечь его и не погибнуть при этом. Атака брандеров началась в два часа ночи при освещении пылавших турецких судов, подожженных артиллерией Ганнибала. По семейным преданиям, которыми особенно дорожил Пушкин (они не подтверждены исто-

рическими документами), его дед успел принять участие в атаке брандеров и чудом остался жив. В рукописи о роде Пушкиных и Ганнибалов, начатой в Большом Болдине, так и сказано: «Под Чесмою он распорядился брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух», – и затем продолжено: «В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон». [2, т. 6, с. 52]. Что касается Херсона, то в комментариях следовало бы сделать поправку, сказав, что Пушкин называет неточно год основания морской крепости и города и их строительства: согласно указу Екатерины – 19 октября 1778 года; в том же году И.А. Ганнибалу было поручено возглавить строительство и руководить им.

Нельзя не обратить внимание на одно обстоятельство. Пушкин всегда повторяет одну и ту же последовательность событий: сначала Чесма, затем Наварин. В стихах («Моя родословная») это можно было бы объяснить стремлением к рифме, но то же находим и в прозаическом наброске о роде Ганнибалов. Вряд ли это случайно. Вполне вероятно, что он так и представлял себе перечень ратных подвигов своего деда. Поэтому в комментариях следовало бы, кроме, разумеется, совершенно необходимого фактологического объяснения (время Чесменского и время Наваринского сражений, суть этих сражений), обратить внимание читателей еще и на факт творческий: на последовательность событий, которую неизменно дает поэт, биограф и прозаик-публицист, смещая произвольно исторические реалии во времени.

Итак, комментарии к наследию Пушкина должны учитывать не только действительность как первооснову его образов, но и эстетику его мысли, особенности его творчества, например свойственную его манере частую повторяемость излюбленных тем или, как в нашем случае, – блоков событий, связанных с его дедом (Чесма и Наварин, а не обратная последовательность, которая была бы справедливой).

Великим событиям 1812 года Пушкин уже был современником. «Воспоминания в Царском селе» – свидетельства очевидца славной победоносной эпохи. В молодом стихотворении вдруг появляется поразительной эмоциональной силы строфа о Москве, хотя писалось все под Петербургом:

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!*

*И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..*

Это сказано с такой искренностью, с таким душевным подъемом, что вы почти физически ощущаете, как слово, рвущееся из сердца поэта, разрывает хватку тяжеловесного классицизма. Не будь словечка «вотще» (напрасно), это был бы стиль «Онегина». Такие прорывы в будущее были возможны в минуты патриотического одушевления, когда поэт испытывал сильнейшие творческие импульсы и уходил далеко вперед, опережая свое время. Разрушалась старая форма, рождался новый стиль.

Но такое бывало и с самим Державиным, неслучайно он почувствовал в подростке, вдохновенном чтеце «Воспоминаний», выступавшем на торжественном акте в Лицее, родственную себе душу. В оде «Снегирь», посвященной Суворову, есть строфа подобного рода, словно по какому-то волшебству переносит автора из поры классицизма в литературу нового времени:

*Кто перед ратью будет пылая
Ездить на кляче, есть сухари,
В стуже и зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари.*

«Меч закаляя» – устойчивая поэтическая метафора, она не режет слух, только архаическое «бдеть» (не спасть, бодрствовать) выдает с головой стиль XVIII века, все остальное – оазис чистейшей поэзии среди архаических тяжеловесностей классицизма.

То, что было пережито над страницами полудетского гениального стихотворения, более десятка лет спустя перейдет в седьмую главу «Евгения Онегина» (строфа XXXVI, приезд Татьяны в Москву), где оживает то же чувство, пережитое поэтом, когда он писал свое стихотворение. Но то же настроение, те же «образы чувства» появятся и в прозе. Я имею в виду фрагмент «Метели», где передано всеобщее ликование (непосредственно пережитое Пушкиным) по поводу победоносно заверченной войны 1812 года.

Оказавшись в Нижнем Новгороде в 1833 году, Пушкин не мог не поклониться праху великого гражданина – Козьмы Минина, о котором он часто вспоминал в письмах, публицистике, мемуарах, в стихах, в Спасо-Преображенском соборе Нижегородского кремля. Он напоминал Успенский собор в Москве. По северной и южной стенам храма врезано было 13 чугунных досок с золотыми надписями. На левой стороне, за второй пилястрой, между гробницами митрополита Павла и архиепископа Пи-

тирима, известного борьбой с расколом на Керженце, своими сочинениями и основанием в Нижнем Новгороде семинарии, была доска с краткой надписью: «Гражданин Козьма Минин».

Недалеко от гробницы Минина стояли 13 знамен нижегородского ополчения. Император Александр I повелел, чтобы знамена, сопровождавшие нижегородцев в 1812 году, осеняли прах нижегородца, который спас Россию в 1612 году. Все эти знаки славного бывшего бесследно исчезли, как и сам величественный собор. Он был взорван по приказу партийного функционера А. Жданова, много бед причинившего русской литературе и русской культуре. Каким-то чудом в кремле уцелел небольшой храм с куполом в виде шатра, с узкими окнами и признаками глубокой старины. Это собор архистратига Михаила – первая церковь в Нижнем Новгороде по времени ее появления. Собор не раз перестраивался, здесь-то и нашел сейчас свой последний приют Козьма

Минин. Все церкви в пределах кремля были сметены с лица земли. Только собор и остался. Он стоит на самой высокой горе в Нижнем Новгороде, словно на часах, так и названной – Часовая гора. Редкой крутизны, она словно срывается вниз к Волге, но массивная Ивановская башня останавливает ее, и кремлевские стены смело избегают уступами вновь к ее вершине.

Из ворот исторической Ивановской башни и выходило нижегородское ополчение в 1612 году, возглавляемое Мининым и князем Пожарским.

Список литературы

1. Фортунатов Н.М. Русская литература: от Нестора-летописца до Гоголя. Нижний Новгород: Русский купец и Братья славяне, 1995.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5, 6.
3. Фортунатов Н.М. Эффект Болдинской осени. Нижний Новгород, 1999.

PUSHKIN ABOUT RUSSIAN MILITARY HISTORY AND ABOUT HIMSELF: FROM THE NEVA BATTLE TO 1812

N.M. Fortunatov

We consider A.S. Pushkin's attitude to some facts of Russian war history related to his genealogy, and how these facts have been translated in Pushkin's prose and poetry.

Keywords: genealogy, comments, «Eugene Onegin», «The Blizzard», «The Tzarskoe Selo's Memories».